

*кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики
Одесского национального университета
имени И.И. Мечникова*

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ГАЗЕТНОМ МАКРОТЕКСТЕ

Одной из **актуальных проблем** современной газетной коммуникации является взаимодействие большого количества авторов с большим количеством читателей посредством большого количества текстов. Интерес к крупным коммуникативным явлениям на базе множества текстов проявляется и в других жанрах письма, в зависимости от ракурса исследования обозначаемых как: интертекст (Р. Барт, Ж. Женетт, Ю. Кристева, Н. Кузьмина, В. Чернявская), гипертекст (Г. Ландау, У. Эко, В. Эпштейн), мегатекст (И. Колегаева), сверхтекст (А. Лошаков, Н. Меднис, В. Топоров), макротекст (И. Колегаева).

В связи с тем, что речь идет о читательской работе с большими текстовыми массивами и о формировании целостных смысловых структур на их основе, можно говорить о видении множества текстов в рамках единой смысловой целостности, что приводит к вопросу о том, какие факторы обеспечивают эту целостность. Опираясь на принцип масштабной инвариантности (один из принципов синергетики [4, с. 75; 6, с. 21]), множество текстов может быть исследовано как текст.

Предметом рассмотрения в настоящей работе является один из «универсальных текстовых смыслов» ([14, с. 5; 18, с. 30]), обеспечивающий целостность макротекста – т. н. человеческий фактор. В частности, в центре денотативного пространства текста оказывается человек, присутствующий как минимум в трех ипостасях: субъект речи (повествователь), субъект оценки и субъект действия. Далее мы рассмотрим параметры изображения деятелей и присущие им функции, среди которых – функция идентификации (из текста в текст, по принципу сквозного персонажа), позволяющая обеспечить спаянность различных текстов, формирующих макротекст.

При описании функционирования субъектов-деятелей в публикациях макротекста мы принимали во внимание характер материала исследования, поскольку речь идет о газетных текстах, описывающих кризисные ситуации. В кризисной ситуации узнаваемость позиций деятелей обеспечивается в частности за счет устойчивого распределения ролей, в денотативном пространстве текста субъекты действия, речи, оценки оказываются причастными к одной из двух групп, в центре которых располагается либо жертва – потерпевший, либо агрессор – виновник.

Такое распределение ролей деятелей восходит к фундаментальной оппозиции «свой» – «чужой» – одному из базовых концептов культуры. В отношении концепта «свой» А. Садохин пишет: «Свой» подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который воспринимается как знакомый, привычный, сам собой разумеющийся» [15, с. 69]. В него входят люди, чье поведение соответствует социокультурным ценностям общества.

Н. Арутюнова считает, что существование образа «чужих» в коллективной и индивидуальной картине мира является необходимым условием для семиотизации личности, регулятором ее опыта и поведения [2, с. 647]. Образ «они» чаще типизирован, отмечает Т. Каминская, поскольку человек, как правило, имеет меньше опыта <...> общения с «не своей группой» [7, с. 63]. Одна из причин появления «чужого» – возникновение конфликта, порождающего кризисную ситуацию. Причины конфликта могут быть различными: социальными, социально-идеологическими, экономическими, нравственными.

Целью данного исследования является изучение оппозиции «свой» – «чужой» в газетном макротексте, описывающем кризисную ситуацию.

Вслед за И. Колегаевой считаем, что макротекст – это результат сложения некоторого множества текстов, смысл каждого из которых является важным элементом для образования макротекстового смысла. Макротекст образуется из всех публикаций данного номера газеты и различных публикаций об одном и том же событии [8, с. 119]. Под газетным макротекстом мы понимаем совокупность газетных публикаций, освещающих одну тему (в нашем случае – кризисную ситуацию), опубликованных в ряде последовательных номеров одного газетного издания, характеризующихся согласованностью авторских позиций и образующих единое коммуникативное целое [19, с. 138]. В исследуемых макротекстах общность темы «кризисная ситуация» прослеживается как между различными публикациями одного номера (мы называем это горизонталью макротекста), так и между публикациями ряда последовательных номеров (вертикаль макротекста).

Материалом для нашего изучения являются последовательности газетных статей, составляющих 2 тематических единства: «Вашингтонский снайпер» (128 статей) и «Теракты в Бостоне» (74 статьи). Статьи были опубликованы в американской ежедневной газете “New York Times” (NYT) в 2002 и 2013 гг. соответственно. В октябре 2002 г. в окрестностях Вашингтона из снайперской винтовки были последовательно убиты десять и тяжело ранены три человека. 15 апреля 2013 г. в зрительской зоне на финише Бостонского марафона с интервалом в 12–13 секунд произошло два взрыва, в результате которых погибло три и пострадало более 280 человек.

Антропоцентрическая линия в газетных макротекстах «Теракты в Бостоне» и «Вашингтонский снайпер» как результат отражения жизни реальных людей в газетном макротексте представляет двухполосную структуру, где наблюдается оппозиция понятий:

«мы» / «свои» – «они» / «чужие»

Данная оппозиция четко представлена в отрывке из речи президента Б. Обамы после терактов в Бостоне:

“We will get to the bottom of this,” the president said. “We will find who did this, and we will find out why they did this” [21, 56108].

Оппозиция местоимений «мы» – «они» используется в аргументативных целях и, как отмечает А. Белова, «соответствует демонстративной фазе в развитии конфликта» [3, с. 65]. «Мы» – это сообщество людей, объединяющее тех, кто пострадал при терактах: те, кого уже нет в живых, и те, чья жизнь продолжается. «Они» – это «чужие», люди, которые живут по другим нормам, имеют другие ценности. В группу «они» входят исполнители и организаторы терактов. При обращении к широким кругам общественности местоимение первого лица множественного числа подчёркивает, что данный текст содержит как мысли автора, так и мысли его единомышленников. Кроме того, инклюзивное местоимение *we*, как указывает И. Розмарица, «переносит адресата в позицию человека, близкого автору сообщения и обладающего уникальной общей с ним памятью» [13, с. 37]. В данном примере позиция автора статьи заявлена имплицитно, совпадая с позицией цитируемого лица – президента США. Журналист оказывается включённым в группу, обозначенную Бараком Обамой как «мы».

Присутствие «чужих» в картине мира и противопоставление себя чужим, по словам М. Дубоссарской, «способствует внутреннему сплочению и мобилизации группы любого рода, <...> делает менее значимыми все её внутренние различия и противоречия по сравнению с различиями и противоречиями группы с чужими» [5, с. 168]. В следующем примере один из читателей газеты “New York Times” в рубрике «Письма читателей» от имени всех американцев выражает свою поддержку жителям Бостона:

“As we did after 9/11, we need to show that we will once again stand together as Americans and support our friends in Boston” [21, 56108].

В другой публикации – репортаже следующего газетного номера – журналист рассказывает о реакции жителей Бостона на теракты в городе:

“A half-hour after the attacks, I crossed the marathon route two miles west of the explosions By this time I knew what had happened; the whole city did.... A lot of hugging was going on. People stared at their phones even though cell service was down. I passed a homeless woman on a bench. She asked, “Them demons been caught yet?” I said I didn’t know. She said, “They will, they will” [21, 56109].

Как замечает А. Колесниченко, «главное в репортаже – эффект присутствия» [9, с. 41], когда читатель словно видит, слышит и воспринимает происходящее вместе с журналистом. В группу «свои» в этом случае включены следующие антропоцентры: журналист, повествующий от первого лица (*I*), люди, шокированные произошедшим (*people*), бездомная женщина (*a homeless woman – she*). Метонимические выражения *the whole city* и *a lot of hugging* передают единство и сплочённость людей в горе и опасности. К группе «чужие» относятся «они» (*they*), которых обозначают пейоративно окрашенной лексемой «демоны» (*demons*).

С. Сахно отмечает, что «в чужом мире, где всё недискретно и неопределённо, закреплённость имён за объектами более относительна» [16, с. 97]. Так, в макротекстах «Теракты в Бостоне» и «Вашингтонский снайпер» для обозначения первоначально неизвестных виновников преступления используется серия номинаций. О виновниках совершения терактов в Бостоне в № № 56108–56113 NYT говорят в единственном и множественном числе: *perpetrator* (злоумышленник), *attacker* (напавший), *terrorist/s* (террорист/ы), *fanatics* (фанатики). И даже *the bad men – strangers* (плохие дяди – чужие) [NYT, 56109] – в публикации, где журналист сообщает, как рассказывал о произошедших событиях своей четырёхлетней дочери. Для именованного Вашингтонского снайпера в публикациях № № 52260–52281 NYT используется синонимический ряд: *sniper* (снайпер), *gunman* (вооруженный преступник), *stalker* (упорный преследователь / ловчий), *marksman* (меткий стрелок, снайпер), *killer* (убийца).

По мере того, как Вашингтонский снайпер осуществляет очередной выстрел, по вертикали макротекста выстраивается портрет серийного убийцы. В одной из публикаций № 52271 журналист сводит воедино известную на тот момент информацию о снайпере:

“... a nimble killer, the serial sniper who leaves investigators with almost nothing to go on but requires that they be almost everywhere. The killer takes most of the crime scene with him. He has no confrontation with his victims before killing them, nothing that could alarm a bystander or hint at a motive. He shoots from 100 yards or more away, and the echo of the shots from his high-powered rifle can confuse witnesses, leaving them wondering where the bullet came from -- the woods, the road, the back of a truck? He speeds away in a vehicle the police have not found...” [20, 52271].

Эта статья макротекста выполнена в жанре объявления «Разыскивается», которое полиция обычно даёт для поиска подозреваемого. Однако вместо описания внешности подозреваемого (описание нет, поскольку подозреваемого никто не видел) текст содержит различные детали, связанные с его действиями (поведенческий портрет). Также отметим, что это своего рода портрет-предостережение: того, о ком идет речь, нужно остерегаться. Портрет как жанр эмоциональной публицистики предназначен для описания людей в драматических ситуациях, чтобы вызвать эмоциональную реакцию читателей [9, с. 14]. Подчеркнуть динамичность следующих друг за другом действий «чужого» и тем самым усилить их отрицательную оценку позволяют параллельные синтаксические конструкции, в которых «чужой» выступает в роли деятеля в позиции подлежащего. Использование активного залога настоящего простого времени помещает снайпера в центр внимания и указывает на то, что его действия носят системный характер.

В макротексте «Вашингтонский снайпер» отмечается небольшое количество публикаций, рассказывающих о жизни людей до того, как они стали жертвами снайпера. Полагаем, это вызвано характером протекания

кризисной ситуации, которую мы относим к дрящимся ситуациям. Дрящаяся кризисная ситуация складывается из череды идентичных событий. Началом её является первое из данных событий, и её длительность находится в непосредственной зависимости от каждого последующего события [19, с. 37]. Напомним, что округ Вашингтон, близлежащие штаты Мэриленд и Вирджиния, а также значительная часть Соединенных Штатов Америки находились в страхе на протяжении 23 дней, опасаясь «кочующего» снайпера (*roving sniper*). Для того чтобы сдержать панические настроения, полиция и власти сохраняли в тайне значительную часть информации. В связи с этим Г. Почепцов объясняет, что «любое, самое демократическое государство осуществляет нужный с его точки зрения контроль информации, в особенности это касается кризисных периодов, когда допустимыми становятся формы контроля, неизвестные ранее» [11, с. 309]. В частности, полиция пыталась умолчать факт находки послания снайпера на месте ранения 13-летнего мальчика. На гадальной карте Таро, изображающей Смерть, было написано: «Дорогая полиция, я – Бог»:

“<...> *police officials warned the unauthorized disclosure could endanger the manhunt. "It is inappropriate to comment about this card," said Police Chief Charles A. Moose ...*” [20, 52267].

В ряде сообщений о новых жертвах снайпера указывают, какая она по счёту, и кратко напоминают о предыдущих нападениях и их последствиях:

“<...> *a 72-year-old Washington resident shot to death in the street on Thursday night had been the sixth victim of a skilled marksman still at large in the Washington metropolitan area. ... Those five died in separate attacks Wednesday and Thursday as they went about routine outdoor activities ...*” [20, 52262].

“*A 13-year-old student was shot and critically wounded on Monday at the entrance of his school in the eighth attack linked to a roving sniper who has killed six adults in the Washington suburban area ...*” [20, 52265].

В данных случаях наблюдаем совмещение хронотопов снайпера и его жертв. Мы исходим из того, что у каждого деятеля свой хронотоп, свое время-пространство. Лексические единицы, образующие семантическое поле индивидуального пространства деятеля, позволяют отнести тот или иной хронотоп действующего лица к пространству «свое» или «чужие», к пространству развития или уничтожения, мира или войны, добра или зла. Хронотопы различных деятелей, представляющих разнополярные пространства, могут совмещаться. При таком совмещении один из хронотопов (чаще хронотоп уничтожения) доминирует. Так, снайпер выбирает момент времени и «вовлекает» человека (выстрел как способ такого вовлечения), занятого своими повседневными делами, в своё пространство. Человек, вовлекаемый в «чужое» пространство, меняет свой статус: из субъекта он становится объектом (жертвой). В этой ситуации совмещения пространство снайпера является деятелем (организатором фокусного (трагического) события) и производит действия над другим человеком, тем самым навязывая ему свои правила игры.

В итоге читателю вертикали публикаций “New York Times” на тему «Вашингтонский снайпер» известны имена всех пострадавших, кроме имени 13-летнего ученика, который получил серьёзное ранение 7 октября: его имя не разглашается:

“<...> *the student, whose identity was withheld*” [20, 52265].

“<...> *the victim, his identity kept secret*” [20, 52278].

В некоторых случаях личность жертв уточняется по мере появления соответствующей информации. Так, в № 52267 NYT указывается, что личность пострадавшего на автостраде 66 в Манассасе, штат Вирджиния, не установлена (1). Имя пострадавшего становится известным читателю только в следующем номере (2):

“ (1) *On Wednesday night, a man was shot to death at a gas station near Interstate 66 in Manassas, Va., 30 miles southwest of Washington. The victim was not identified...*” [20, 52267].

“ (2) *The latest victim was identified as Dean H. Meyers, a 53-year-old civil engineer from Gaithersburg, Md., who had stopped for gas on his way home from his job here*” [20, 52268].

В результате взрывов на финише Бостонского марафона погибло три человека. Имя одного из них в № 56109 газеты “New York Times” не указывается. Читателям всего лишь известно, что это – студентка, родом из Китая, и университет ждёт разрешения от её семьи для обнародования имени:

“<...> *the Chinese Consulate in New York said that she was a Chinese national. The university is waiting for permission from the family before releasing her name*” [21, 56109].

В № 56110 этой девушке посвящена целая статья – «*Grad student with eye on career in finance is mourned in China*». В статье сообщают не только имя девушки – Лу Лингзи (*Lu Lingzi*), но и освещают отдельные эпизоды из её жизни. Отсюда следует, что родные девушки разрешили опубликовать эти сведения.

Так же, как и в «Вашингтонском снайпере», индивидуализация событий в макротексте «Теракты в Бостоне» достигается через индивидуализацию действующих лиц. Однако в макротексте «Теракты в Бостоне» отмечается большее количество публикаций жанра «История человека». Отметим, что референтную кризисную ситуацию, вызванную терактами в Бостоне, мы относим к разовым. Разовая кризисная ситуация вызвана одним событием или несколькими совпадающими во времени событиями. Она имеет четко обозначенное начало и характеризуется непродолжительностью течения в реальном времени [19, с. 37].

Одним из способов возбудить и удержать читательское внимание при освещении такого рода кризисов в газетных публикациях является акцентирование эмоционального аспекта описываемой ситуации, обращение к лучшим чувствам аудитории. Наиболее эффективным средством апелляции к чувствам читателя является рассказ о пострадавших людях, что заставляет читателя глубоко пережить события того дня, увидеть их глазами пострадавших. Как пишет Н. Арутюнова, «переход к человеческому фактору всегда вносит в текст элемент ин-

тенциональности», связанный с модальной установкой говорящего [1, с. 177]. Так, например, подается рассказ о мальчике Мартине Ричарде и молодой женщине Крисл Кэмпбелл, которые, как и Лу Лингзи, погибли при взрывах на финише Бостонского марафона:

“Martin Richard and Krystle Campbell, two of three people killed Monday at the Boston Marathon... were there to watch others. They were not supposed to be the subjects of a newspaper story ...” [21, 56108].

Оба человека поневоле становятся деятелями – жертвами кризисной ситуации. Парадоксальность происшедшего показана при помощи такой стилистической фигуры, как хиазм: Мартин и Крисл находились у финиша марафона, чтобы посмотреть на других, а не для того, чтобы стать «предметом» газетной публикации. Смысл этого предложения может быть сведен к следующему: прийти для того, чтобы посмотреть на других, а не для того, чтобы посмотрели на тебя.

Г. Почепцов замечает, что управление информационным пространством стремится к тому, чтобы вводить в массовое сознание информационные структуры с заранее прогнозируемым реагированием на них. И новости, и романы, и «мыльные оперы» строятся на определенной, как ее можно обозначить, «героической грамматике» [10, с. 45]. Человек, как потребитель этой информации, реагирует на нее благодаря определенному вовлечению в ситуацию.

В кризисной ситуации потребитель информации испытывает особенно острую необходимость в «героизированной» действительности. В данном случае среди «своих» всегда выделяется человек или люди, чей поступок или поступки достойны восхищения и подражания. Наряду с героизацией «своих» СМИ склонны демонизировать «чужих»: герою противопоставляется антигерой. Для создания определенных патриотических настроений СМИ оценивают поступки героя исключительно со знаком «+» и освещают их в большей степени, чем поступки антигероя, действия которого оцениваются исключительно со знаком «-». Ситуацию «столкновение с опасностью», из которой человек выходит в роли победителя, Г. Почепцов называет «победой над опасностью»: человек тогда становится героем, когда при столкновении с опасностью он избирает вариант единственно правильного поведения [12, с. 236]. Так, после взрывов на финише Бостонского марафона многие американцы, рискуя собственной безопасностью, помогали раненым, оставаясь в эпицентре кризисных событий:

“Men and women, choosing to abandon safety, charged head on into the chaos, looking to assist. In the face of death, the human spirit remained unwavering among the fire, blood and disorder” [21, 56108].

“<...> the civilian bystanders to the attack ran toward the first blast to give aid to the victims, without a second thought for their own safety” [21, 56109].

Как видим, в сложившейся ситуации газета “New York Times” публикует истории, которые бы поддержали позитивные настроения читательской аудитории, имплицитно относящейся к «своим».

Подводя итоги, отметим, что целостность смыслового пространства газетного макротекста обусловлена фиксированностью позиций деятелей, их узнаваемостью, присутствием в ряде газетных публикаций по горизонтали, а также вертикали макротекста. В кризисной ситуации узнаваемость позиций деятелей обеспечивается за счет устойчивого распределения ролей, характеризующихся полярностью (противопоставлением). Таким образом, тенденция к стабильной поляризации субъектных ролей по принципу «свой» – «чужой» является одной из характеристик изображенного пространства макротекста о кризисной ситуации. Исследования больших текстовых массивов, как видим, являются перспективными, поскольку связаны с насущными потребностями работы с информацией, при этом задействуется как традиционный подход (лингвистика текста), так и новые тенденции (синергетика).

Литература:

1. Арутюнова Н. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Арутюнова Н. Язык и мир человека / Н. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Белова А. Лингвистические аспекты аргументации / А. Белова. – К. : Киевский ун-т им. Тараса Шевченко, 1997. – 311 с.
4. Домброван Т. Диахроническая лингвосинергетика – новый ракурс исследования эволюции языка / Т. Домброван // Интегральна теорія англійської комунікації : [колективна монографія]. – Одеса, 2015. – С. 65–105.
5. Дубоссарская М. Свой-Чужой-Другой: к постановке проблемы / М. Дубоссарская // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2008. – С. 167–174.
6. Зинченко В. Межкультурная коммуникация. Системный подход : [учебное пособие] / В. Зинченко, В. Зусман, З. Кирнозе. – Нижний Новгород : изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – 192 с.
7. Каминская Т. Образ адресата в текстах массовой коммуникации : семантико-прагматическое исследование: дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.10 / Т. Каминская. – С-Пб., 2009. – 283 с.
8. Колегаева И. Газетный текст как коммуникативное явление / И. Колегаева // Записки з романо-германської філології. – Одеса, 2002. – Вип. 11. – С. 116–126.
9. Колесниченко А. Практическая журналистика : [учебное пособие] / А. Колесниченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 192 с.
10. Почепцов Г. Информация & дезинформация / Г. Почепцов. – К. : Ника-Центр, Эльга, 2001. – 256 с.
11. Почепцов Г. Психологические войны / Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук. – К. : Ваклер, 2002. – 528 с.
12. Почепцов Г. Семиотика / Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук. – Киев : Ваклер, 2002. – 431 с.
13. Розмаріца І. Лінгвокогнітивні особливості комунікації у сфері екології (на матеріалі сучасної англійської мови) : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / І. Розмаріца. – Київ, 2003. – 207 с.

14. Романова Т. Человек и время. Язык. Дискурс. Языковая личность : [монография] / Т. Романова. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – 248 с.
15. Садохин А. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – 310 с.
16. Сахно С. «Свое-чужое» в концептуальных структурах / С. Сахно // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 95–101.
17. Солганик Г. О новых аспектах изучения языка СМИ / Г. Солганик // Вестник МГУ. Сер. № 10. Журналистика. – М., 2000. – № 3. – С. 31–38.
18. Співак С. Власна назва в композиційно-смісловій структурі віршованих текстів американської поезії ХХ століття: комунікативно-когнітивний підхід: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / С. Співак. – К., 2003. – 197 с.
19. Терехова Л. Газетный макротекст: единство категорий ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК в публикациях о кризисной ситуации (на материале англоязычной периодики): дисс. ... канд. филол наук: 10.02.04 / Л. Терехова. – Одесса, 2015. – 238 с.
20. New York Times (NYT) 2002. – №№ 52260 – 52296.
21. New York Times (NYT) 2013. – №№ 56108 – 56125.

Анотация

Л. ТЕРЕХОВА. ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ГАЗЕТНОМ МАКРОТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности реализации оппозиции «свой» – «чужой» в газетном макротексте, описывающем кризисную ситуацию. В денотативном пространстве газетного макротекста субъекты действия, речи, оценки оказываются причастными к одной из двух групп, в центре которых располагается либо жертва – потерпевший, либо агрессор – виновник. Целостность смыслового пространства газетного макротекста обусловлена фиксированностью позиций деятелей, их узнаваемостью, присутствием в ряде газетных публикаций по горизонтали, а также по вертикали макротекста.

Ключевые слова: «свой» – «чужой» / «мы» – «они», газетный макротекст, кризисная ситуация.

Анотація

Л. ТЕРЕХОВА. ОПОЗИЦІЯ «СВІЙ» – «ЧУЖИЙ» У ГАЗЕТНОМУ МАКРОТЕКСТІ

У статті розглянуто особливості реалізації опозиції «свій» – «чужий» у газетному макротексті, що зображує кризову ситуацію. У денотативному просторі газетного макротексту суб'єкти дії, мовлення й оцінки належать до однієї з двох груп, у центрі яких знаходиться або жертва – потерпіла сторона, або агресор – винуватець. Цілісність смыслового простору газетного макротексту зумовлена фіксованістю позицій діячів, їхньою впізнаваністю, присутністю в низці газетних публікацій по горизонталі, а також по вертикалі макротексту.

Ключові слова: «свій» – «чужий» / «ми» – «вони», газетний макротекст, кризова ситуація.

Summary

L. TEREKHOVA. OPPOSITION “SELF” – “ALIEN” IN A NEWSPAPER MACROTEXT

The article deals with the peculiarities of manifestation of opposition “self” – “alien” (“we” – “they”) in a newspaper macrotext about a crisis situation. The research shows that the semantic integrity of a newspaper macrotext is determined by the ridged roles of the portrayed people who belong to either of two groups: the victim-the injured party or the aggressor-the culprit. The roles of both groups are fixed and recognized on the vertical and horizontal of macrotext.

Key words: “self” – “alien” / “we” – “they”, newspaper macrotext, crisis situation.